

Александр Бикбов

«Дрессировка для порока, сообразно с требованиями развратных посетителей» женская проституция в XIX и XXI вв.*

Ильяхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М.: Новый хронограф, 2008. 558 с. 1000 экз.

Проституция в России. Репортаж со дна Москвы Константина Борового. М.: Вагриус, 2007. 272 с. 5000 экз.

Адлер Л. Повседневная жизнь публичных домов во времена Золя и Мопассана. М.: Молодая Гвардия, 2005 (I французское издание 1990, переиздание карманного формата 2002). 272 стр. 5000 экз.

Лавину внимания к женской проституции сорвало в 1986 году: журналисты, режиссеры, социологи спешили донести до наэлектризованной публики подробности нового явления. В напряженной полупустоте грядущего издательского бума появлялись первые переиздания дореволюционных монографий, дерзющие с обложек еще недавно запретным словом¹. Десятки студентов тогда же создаваемых социологических факультетов избирали проституток объектом учебного исследования, впрочем, редко доводимого до конца. Закипали политические страсти о легализации. Уже в 1991 году мир изменился.

К середине 1990-х вышла череда изданий и переизданий, претендующих на сенсационность. Но иной стала прагматика понятия. Оно больше не будоражило новизной и не травмировало вкусы (бывших) советских обывателей. В конце 1980-х у фигуры «интердевочки» был шанс стать частью культурной истории: она была символом высокого ремесла в сфере запретных связей, в равной мере продажных сексуальных и будоражащих — с иностранцами. Очень быстро, однако, и проститутки, и иностранцы, и местные потребители банализировались. Как многие молчаливо принятые явления Перехода, платные сексуальные услуги были ассимилированы новыми стилями жизни, меняя организацию под милицейскими «крышами» и в сетях международного трафика. В противовес создавались ассоциации помощи и центры предотвращения — обладатели минимального публичного веса в новом социальном порядке.

---

* Сокращенная версия текста опубликована в журнале книжных рецензий: Пушкин, № 1, 2008.

¹ Как текст д-ра Дюпуи «Проституция в Древности» 1907 года, переизданный в 1990 комплексным кооперативом «Рось» под мягкой ярко-желтой с черным обложкой, в 100 тысячах экземпляров.

Между впечатляюще рутинным расширением рынка и попытками профессионально снизить его социальные издержки, тема проституции получила выражение в нишевых публикациях и эпизодических киноперсонажах. Еще несколько лет спустя после 1991 в опросах о престижной и предпочтительной профессии российские школьницы порой указывали «проститутка» (а школьники — «киллер»). К концу 1990-х декларируемые вкусы окончательно утратили бандитскую бесшабашность и сместились к офисной респектабельности. Не став приемлемой, тема проституции не превратилась во вновь запретную, но несомненно — в социально и интеллектуально маргинальную.

Выход в свет российского исторического исследования о проституции в 2008 г. и сборника интервью 2007 г. — симптоматичные события, которые, возможно, отмечают новый период умеренного интереса к теме. В последние годы нечастое к ней обращение происходит с нескольких, не вполне тривиальных позиций. Сотрудники милиции² и неправительственных ассоциаций³ — в качестве узких специалистов. Медики в костюмах светских беллетристов⁴. Предприниматели в роли социальных исследователей⁵. Историки в облачении моральных наставников⁶.

Безотносительно к российской специфике, анализ и критику проституции можно в самом общем виде разделить на две стратегии, в зависимости от взгляда, который порой ясно артикулируют сами авторы: мужскую и женскую — при этом не обязательно феминистскую. Базовые очевидности преобладающего мужского взгляда служат основой всех культурных кодов, сохраняя непрозрачность для самих мужчин. Женщины-авторы нередко острее рефлексируют гендерную специфику как своей, так и чужой точки зрения, критикуя частичность мужского определения (гетеро)сексуальных практик, с его претензией на универсализм. Частичного при любой гендерной принадлежности как в силу явных табу, так и по причине ангажированного интереса к истинам сексуальности. Впрочем, по той же причине восстановление полной и объективной истины — как утверждает Лора Адлер (о ее книге речь пойдет далее) — неосуществимая задача. Следует добавить: неосуществимая и потому, что, несмотря на свою частичность, мужское оказывается исторически всеобщим, и критический женский

2 Станская А.А. Проституция несовершеннолетних — социальная и правовая проблема общества. СПб: Юридический центр-пресс, 2005.

3 Ходырева Н.В. Современные дебаты о проституции. Гендерный подход. СПб: Алетейя, 2006. Уже нормативные аллюзии предыдущего заглавия и экспертные данные отчетливо маркируют зоны компетенции авторов.

4 Князькин И.В. Всемирная история проституции. СПб.: Сова - АСТ, 2006. 928 стр. 5000 экз. Книга, предназначенная служить подарком любознательному холостяку.

5 Книга К.Борового «Проституция в России» (2007), речь о которой пойдет далее.

6 Объемная монография А.Ильюхова «Проституция в России с XVII века до 1917 года» (2008), с которой я начну обзор.

взгляд на проституцию не имеет иного исходного горизонта, помимо мужского языка. В результате, женская и мужская стратегии расходятся не в наборе тем и понятий, так или иначе генетически обязанных буржуазному и мужскому XIX веку, а, прежде всего, в характере связи между двумя основополагающими предметами описания: проституции как обмена и свойствами проституирующей женщины. Мужская стратегия склонна к явному (моралистскому) или неявному (через систему умолчаний) признанию этого обмена постыдным, проститутку же она делает орудием внешних сил и обстоятельств, включая желание потребителя-мужчины. Женская стратегия уделяет больше внимания насильственному характеру обмена, при этом рассматривая женщину-проститутку как субъект чувственности. Иными словами, мужская и женская стратегии несимметричны: первая склонна к вытеснению чувственности, разворачиваясь на линии принуждение/стыд, вторая, сколь удивительным это ни покажется, избавлена от стыда и выстраивается на линии насилие/чувственность. Рассматривая каждую из этих линий как результат работы различающихся процедур самоцензуры, мы можем получить более ясную картину представлений о проституции. Вместе с тем, я далек от утверждения, что спектр недавних публикаций сводится к этому элементарному различию.

Упомянутая историческая работа — **монография «Проституция в России с XVII века до 1917 года»** (2008) Александра Ильюхова, которая обладает признаками мужского взгляда, увязшего в беспорядочных тематических связях. Несмотря на объем и многообещающее заглавие, книгу можно охарактеризовать кратко: попытка бессодержательной систематизации. С первых же страниц текст не позволяет заподозрить его автора ни в намерении описать феномен в тщательно сконструированной перспективе, ни в готовности представить выверенное собрание фактов. В композиционном и жанровом отношении книга точнее всего распознается как мятый галстук в глубине забитого вещами шкафа.

Следует сразу принять в расчет, что монография избавлена от какой-либо исследовательской концепции и внятной структуры. Она изобилует содержательными повторами и постоянным возвратом к темам заболевания сифилисом, завлечения девушек в профессию обманом или силой, социального неблагополучия как основной причины проституции. Формально монография поделена на главы, но одни и те же «постыдные» сюжеты, обильно воспроизводятся в каждой из них. Неупорядоченность текста выражается и в произвольной рубрикации: например, история и стиль жизни публичных домов бегло прослежены в недрах безразмерной главы «Политика государства в отношении проституции», а формы полицейского надзора в главе «Моральный и социальный облик проститутки».

Кроме того, авторский текст тотально зависим от публикаций второй половины XIX в.

- начала XX в., сведения и цитаты из которых дают основной объем книги. Срастание языка автора с источниками лишь усиливает консервативный легитимизм мужского взгляда на проституцию как зло, государственное сознание которого, согласно А.Ильяхову, непрерывно возрастает на протяжении российской истории. На деле, текст пестрит свидетельствами использования проституции, например, для удовлетворения нужд военных и разведки или конструирования самой фигуры проститутки врачебно-полицейскими комитетами. Однако в общем виде вопрос о государстве XIX в. как своеобразном инженере, который проектирует категорию «проституция» и наполняет ее человеческим материалом, так и не звучит. Согласно автору, с XVII в. попытки высшей государственной власти контролировать занятия проституцией делались все жестче, но регулярно терпели фиаско, не в последнюю очередь из-за коррумпированности низших полицейских чинов. К слову, упоминание XVII (а также, по умолчанию, XVIII) века в заглавии оказывается недоразумением, вряд ли оправданным десятком страниц разрозненных данных. Не упорядочивая хаоса слабо соотнесенных друг с другом сведений и обширных цитат, неудовлетворительный в своей линейности образ государства-праведника обязан банальному невниманию к деталям.

Полный отказ историка от работы с архивами удивляет, но не так сильно, как уход от периодизации и от критики источников. В окружении заемных идей и фактов концепция истории исчерпывается одной формулой предисловия: «Поразительно, но за прошедшие полтора столетия характер проституции не изменился». О столь парадоксальной модели исторического безвременья автор регулярно напоминает восклицаниями в конце параграфов: «Это утверждение актуально и сегодня». Типы и практики проституции даны таким же бессвязным списком, который поглощает любые даты и ориентиры. В итоге, приемлемым вариантом использования книги представляется отбор источников на основе цитат — для последующего чтения. Этнографически любопытны тексты Н.Б-ского «Очерк проституции в Петербурге» (1868), А.Шнейдера-Тагильца «Жертвы разврата. Мои воспоминания из жизни женщин-проститутки» (1908), «Труды первого всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами» (1911-1912).

Наконец, отсутствие аналитической модели компенсируется монотонным морализерством, в котором автор далеко превосходит своих предшественников рубежа веков. Бесконечно возвращаясь к определению проституции как общественного порока, он выстраивает весь текст словно грандиозное оправдание тому, как у него, порядочного мужчины, возник интерес к подобной теме, а книжки «об этом», может быть, даже попали в его домашнюю библиотеку. «Падшие женщины», «эти отверженные», - сострадательная линия того же самого

морализма, который со страниц исторической монографии клеймит проституток как «промышляющих девиц», «воровок», «подобных “дам”», «это зло», а в содержателях публичных домов усматривает «как правило порочных людей». Снисхождение к проститутирующим из бедности сопровождается у историка 2000-х архетипическим для XIX в. восприятием низших классов как опасных. Цитируя пассаж о работе шайки отравителей в одном из нижегородских публичных домов и вспоминая о романе Л.Толстого «Воскресение», автор сообщает: «Таким образом, можно констатировать, что существование публичных домов часто провоцировало преступность» (с. 128)⁷. Спонтанный космический вывод характеризует социальное бессознательное автора лучше его обобщений, вполне осознанно сомкнутых с вековой давности разбором классового характера и самой проституции, и врачебно-полицейского надзора над ней (с. 169).

Обесценивают ли перечисленные особенности многостраничный труд? По меньшей мере, в авторском исполнении. Его может спасти только самостоятельная реконструкция читателем ряда проблем для дальнейшей разработки.

Прежде всего, является ли верхний, в некотором смысле, «благополучный» сегмент проституции в российском XIX в. экспериментальной площадкой форм чувственности и удовольствия, которые встраиваются в социальный порядок, отчасти противостоя практикам семейного воспроизводства, но скорее их дополняя? Можно было бы сослаться на крайнюю ограниченность этого сегмента: возможно, он не вносил весомого вклада в разнообразие сексуального и социального опыта младокапиталистической России. Подобное предположение противоречат простым цифрам. В 1867 г. в Петербурге официально действовало 90 публичных домов первого разряда и только 60 простонародных (с. 101). На деле, огромное число и неожиданная пропорция — 90 специализированных мест трансгрессивной коррекции опыта состоятельных посетителей. Цитируемые А.Ильюховым тексты указывают на привлекательность антуража публичного дома для «гуляющих» купцов (с. 131), существование шикарных заведений с особенно бесстыдными «зеркальными спальнями» (с. 114-115), переодевание проституток в невест, рыбачек или курсисток (с. 112), наличие «особых приспособлений [утонченного разврата]... всегда находящих себе покупателей» (с. 113). Но их авторы, при посредничестве А.Ильюхова, с нервной поспешностью восстанавливают моральный порядок, маскируя субъективную реальность подобных мест и инструментов: «Эта особая роскошь для развращенных до мозга костей мужчин, которые не жалеют десятки рублей потратить на

---

⁷ Не менее хлестко звучит: «Приобщению к проституции способствовало слабое умственное и нравственное развитие женщин» (с. 217).

разные напитки, вроде коньяку, рябины, шампанского и пр., чтобы удостоиться созерцанием своей собственной персоны, совершающей пошлый безнравственный поступок при свете электрической лампочки»⁸. Из такой квалификации можно «вытянуть» разве что нетривиальный сегодня факт сексуальной притягательности (аморальности) электрического освещения, усиленного зеркалами. Является ли этот зеркально-электрический соблазн социально универсальным на рубеже XIX-XX вв.? Как притягательность зеркальной комнаты соотносится с моделями семейной и холостяцкой чувственности? Каким социальным стилям и ритмам соответствует этот инструмент возбуждения и с какими иными инструментами, помимо коньяка и рябиновки, сопряжен? Эти вопросы вызваны лишь одним свидетельством. Критический пересмотр источников в срезе удовольствия привел бы к рекомпозиции всей российской истории проституции.

Полустертая цепочка следов ведет к разработанным в этот период стилям «веселой» жизни, которые обеспечены специфической дисциплиной работниц заведений высшей и средней руки. Начиная с ломки господствующей модели «скромного» женского поведения у новых работниц (с. 211), включая тренинг обольщения для приходящих гостиничных проституток (с. 184), заканчивая техниками кокетства при сохранении девственности — для привлечения в заведения богатой купеческой клиентуры (с. 127). «Дрессировка... для порока, сообразно с требованиями развратных посетителей» (с. 117) — формула автора конца XIX в., отсылающая к производству форм чувственности, пока никак не представленных в истории русского общества. Активность «приличных» проституток, живущих семейной жизнью, имеющих положение в обществе и время от времени проститутирующих в кабинетах, чью клиентуру составляли мужчины из той же благополучной среды, лишь усложняет общую картину. Резонерство А.Ильюхова, столь же охотно, сколь некритически цитирующего предшественников, являет собой образец моральной позы, которая отрицает существование русского «полусвета» вместе с более тонкими и диффузными формами чувственности. Этим образцово моральным восприятием проституции XIX в., сохранившим силу в 2000-х, невозможно пренебречь как историческим фактом. Но точно так же нельзя уклониться от вопроса о том, какие формы удовольствия, встроенные в благопристойный социальный порядок, он маскирует. Критическая версия истории могла бы ответить на вопрос: становится ли проституция, как это можно наблюдать во французском «полусвете», социальным местом складывания стилей жизни, не просто допускающих, но культивирующих одновременно опасное, странное и беззаботное? И как эти локальные стили жизни или их элементы соотносятся с

⁸ Квалификация зеркальной комнаты в тексте 1908 г. (с. 115).

«большим» социальным порядком?

Следующий вопрос дополняет предыдущие: становится ли прямое физическое насилие над женщинами-проститутками неотъемлемой характеристикой жизни в российском публичном доме и на улице? И, далее: не является ли это насилие ключевым элементом чувственности, формируемой российской проституцией? Судя по множеству примеров и повторов в книге А.Ильюхова, сексуальная коммерция российского XIX в. основана на репрессивной схеме: повседневном принуждении со стороны хозяев и клиентов, а также всеобщей алкоголизации проституток, призванной это принуждение компенсировать. Согласно свидетельствам, содержатели заведений опаивают и насилуют девушек, похищают на улицах бедных приезжих, регулярно избивают проституток в публичных домах, лишают пищи и снова опаивают. Клиенты систематически издеваются над женщинами и избивают их. Сам сексуальный акт, особенно в дешевых заведениях и с уличными проститутками, происходит в темных углах, «на куче вонючих лохмотьев» - в условиях, почти исключаящих удовольствие. В заведениях царит надзор и физическое наказание: «В большинстве публичных домов наружная дверь так устроена, что, свободно открываясь с улицы, она изнутри не может быть открыта без ключа, который обыкновенно хранится у “хозяйки” или “гувернантки”» (с. 385). Полиция регулярно возвращает беглянок обратно, где их жестоко избивают. Публичные дома представляют собой форму социальной изоляции, подобную тюремной — что согласуется с наблюдениями Л.Адлер над аналогичными французскими заведениями⁹. Между тем, содержательницы французских публичных домов, как и большинство российских — бывшие проститутки, отнюдь не столь жестоки в обращении с работницами. Если, согласно А.Ильхову, прямое принуждение и подавление удовольствия в России повсеместны, не реабилитирует ли это отчасти моральную объяснительную модель, которая возникает там, где чувственность замещается насилием или «голым» физиологическим проникновением вкупе с унижением? Но, возможно, правильнее будет считать, что сама моральная модель редуцирует чувственность к попытке и постыдной физиологии?

Очевидно, что уровень физического насилия в целом привязан к социальной шкале: в нижнем сегменте дешевых заведений и уличной проституции оно регламентирует отношения плотнее, нежели в роскошном верхнем. Однако каковы его формы на разных уровнях и какое место оно занимает в чувственности проститутки, содержательницы заведения, клиента? Уже

---

⁹ Прямые соответствия между Россией и Францией одного периода прослеживаются также в регламентации порядка в заведениях, в запрете на музыку и шум, в предписанном экстерьере домов терпимости. Кроме того, как и во французском, в русском языке XIX в. вступление женщины в публичный дом называется «подчинением».

вступление в профессию представляется с этой точки зрения не столь однозначным, как его определяет автор, сделавший принуждение универсальной схемой. Оставим в стороне фантазмы XIX - начала XX вв. о массовых похищениях девушек из хороших семей для сексуальной эксплуатации. В приложениях к книге воспроизводятся полные данные опросов 56 и 143 проституток конца XIX в. Свободный выбор: отказ «служить на местах», привлекательность «веселой жизни», «избалованность», - фигурирует примерно в 40% ответов о мотивах занятия проституцией. Если изъять из их числа случаи насильственной дефлорации, по отношению к которым «собственное желание», вполне вероятно, рационализирует травму, остается около 30%. Причем только половина из них — женщины крестьянского происхождения и солдатки, другая половина — мещанки, с незначительной долей дворянок. Именно «дамы из порядочной среды», проститутирующие из расчета, вызывают самое серьезное негодование иных современников¹⁰. Помимо прочего, А.Ильюхов цитирует рассказы служащих врачебно-полицейских комитетов о девушках, которые горячо желают поступить в публичные дома еще до совершеннолетия. Иными словами, вхождение в профессию и отношения с содержателями заведений сопровождается не только жестким физическим или экономическим принуждением, но и не менее сильным социальным влечением. Эти свидетельства и цифры ставят под вопрос безупречную работу механики универсальной морали, с которой принято отождествлять XIX в. Они не устраняют вопроса о прямом или опосредованном насилии в поддержании сексуального порядка. Однако уже в части начального этапа ремесла репрессивная модель российской проституции нуждается в коррективах.

Столь же неочевиден финал карьеры и ведущие к нему обстоятельства. Неизбежное «скатывание» проститутки на социальное дно, даже с ирреального заработка 1000 рублей в месяц (при плате ярмарочной проститутке 25 рублей в месяц) — еще один конек моралистов XIX - начала XX вв., повторно седлаемый А.Ильюховым. На деле, этос растраты, свойственный «веселой» среде — новое свидетельство специфически «полусветских» стилей жизни, вопрос о которых совершенно вытеснен из монографии моральным усилием автора. Иное возможное объяснение — тотальная социальная незащищенность проституток. Автор настаивает на том, что хозяйки заведений обирают и обманывают работниц, подсовывают им дешевую одежду и пищу за огромные деньги, штрафуют за мельчайшие проступки, что сами проститутки слишком много тратят на алкоголь и т.д. Но как объяснить тот факт, что немки, приезжающие в российские публичные дома, за два-три года делают себе состояние доста-

---

¹⁰ Михневич В. Язвы Петербурга. СПб: Лимбус-Пресс, 2003. С. 494. Или цитируемый А.Ильюховым Б.Бентовин (с. 179).

точное, чтобы заключить выгодный брак на родине (с. 119)? Какие стратегии накопления позволяют работницам заведений высшего класса впоследствии пополнять ряды содержательниц заведений? Какую роль в карьере проститутки играют формы страхования, подобные минскому фонду, куда хозяева заведений ежедневно вносят небольшую сумму на выходное пособие работницы (с. 106)?

Наконец, поистине ключевой вопрос — это роль государства XIX в. в создании и переопределении фигуры проститутки. А.Ильюхов касается смежных тем широкими неровными кругами, раздувая объем монографии и взбучивая ее рубрификацию. Но, как я вынужден был отметить, явный результат этих маневров крайне неудовлетворителен и парадоксально линеен. Наблюдения некоторых авторов XIX в. более точны и современны. Ключевой здесь предстает связка врачебно-полицейского контроля и публичного дома со второй половины XIX в., когда заведение становится «последним узлом прикрепления женщины к проституции», препятствующим какой-либо иной деятельности (с. 167). Как и в европейских буржуазных обществах, российское государство, по сути, пытается переопределить и переприписать преступную карьеру проститутки во имя общественного здоровья и спокойствия¹¹. Инструментализация женского тела и формирование слоя профессиональных парий во многом направляется государственными попытками снизить распространение сифилиса среди населения. Эта политика неожиданно совпадает с далекой исторической параллелью, открытием во Франции XIV-XV вв. муниципальных борделей, миссией которых было предотвращение нередких групповых изнасилований добропорядочных горожанок горожанами-мужчинами — т.е. схожая забота об общественном спокойствии¹². В обоих случаях публичные дома не просто легализуются, а становятся частью системы управления обществом, где телу проституирующей женщины отведена роль опасного, но неустранимого орудия. Конвульсивное продвижение к полной легализации второй половины XIX в. вводит меру обязательного обмена паспорта на «желтый билет». В результате, проститутка оказывается «публично» изолирована не только в стенах заведения, устройство и распорядок которого становится предметом официальной регламентации, но и в системе медицинской и полицейской власти города, равно как в заново удостоверенной власти городского обывателя-мужчины. Клиентура сексуальной коммерции становится все более массовой. А международная торговля женщинами и, в целом, нелегальные формы проституции предстают особенно замет-

11 Поворот в государственном управлении рисками проституции отмечен коллизией частичной легализации в 1843-45 гг., при продолжающемся судебном преследовании за «торг телом» (с. 48).

12 Brigitte Rochelandet. Histoire de la prostitution du Moyen Age au XXe siècle. Yens sur Morges/Divonne-les-Bains: Cabédita, 2007. С. 30-35.

ными и грозными явлениями именно в свете нового государственного утилитаризма, который привязывает проституцию к «своей» территории и «своему» населению.

Утилитарный поворот в государственном управлении проституцией не просто использует, но заново создает тело проститутки через процедуры наблюдения, освидетельствования, регистрации. Запуск этого механизма с особой остротой ставит проблему строгой классификации, в т.ч. выявления тайных проституток в массе «порядочных женщин». В городском пространстве имеется ряд мест, где замужние женщины не могут появиться, не рискуя своей репутацией. Но во множестве мест и случаев налицо опасное смешение, которое делает ясное разграничение невозможным. Поэтому государство вменяет своим агентам разузнавать, отслеживать, запугивать в целях выявления и легализации «тайного зла». Статус предлагающей свои услуги женщины остается зыбок. В 1889-93 гг. от 30% до 40% учтенных в Петербурге случаев — это женщины, арестованные по подозрению в тайной проституции (с. 134). Важную роль в проведении границы играет презумпция женского одиночества. Не столь редки случаи, когда полицейские агенты квалифицируют одиноко проживающих или бродячих женщин как проституток, с последующим, уже официальным оформлением этого статуса врачебно-полицейским комитетом. Схожий метонимический принцип классификации воспроизводится и в новом политическом порядке (1919 г.), когда проститутками записывают всех одиноких женщин, попадающих в ночные облавы на вокзалах¹³. Зыбкость границ сексуальной коммерции рождает множество двусмысленных фигур, роднящих российскую и европейскую историю: служанки, прачки, кондитерши, швеи, актрисы, посетительницы танцзалов, музыкантки, - представленные в коллективном воображении, вероятно, гораздо полнее, нежели в статистических сводках полиции. Если государственная регламентация проституции, затрудняя работницам выход из профессии, делает возможным, по меньшей мере, их учет, то о характере и длительности карьер, степени их криминализации или изобретении новых форм чувственности на полюсе, постоянно ускользающем от официального контроля, известно гораздо меньше.

Соотношение этих двух полюсов и эволюция форм проституции в связи с государственным утилитаризмом и техниками управления рисками — еще одна ненаписанная глава российской истории. В этом контексте упадок публичных домов к концу XIX в. можно анализировать не только как момент истории нравов, но и как факт политической истории, вписанный в свертывание местных реформ и трансформацию инструментов контроля над населением. В любом случае, линейная схема «осуждаемый порок — распространение венерических

---

13 Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города 1920-1930 гг. СПб: Летний Сад, 1999. С. 84.

заболеваний — государственные ограничения» требует самого решительного пересмотра.

Книга Лоры Адлер «Повседневная жизнь публичных домов» (1990/2005)¹⁴ захватывает принципиально тот же период, что и монография А.Ильюхова. Однако в отличие от последней, она доказывает, что история проституции — это не только моральная или криминальная история, но также история культуры, которую в XIX в. вместе с алчными своднями и полицейскими делают знаменитые писатели и бонвиваны. Не ограничиваясь картинами анонимной проституции, автор считает нужным уточнить социальное происхождение известных гетер, чьи имена, вероятно, еще о чем-то говорят образованному (французскому) читателю, продемонстрировать связь между проституцией и театральным миром, проанализировать растущую захваченность XIX в. вуайеризмом, сопровождающим и отчасти замещающим физическое проникновение, описать «полусветский» ужин как ритуал «веселого» и «странного». Иными словами, книге свойственно внимание к проституции как к звену культурного механизма, который на пике своей продуктивности выводит в свет литературные произведения, впоследствии освященные школьной программой.

Методологическая программа исследования — история повседневности «женщин, которые, в конечном счете, ничем не отличаются от нас». Насыщенный фактурой текст включает фоновый анализ капиллярной механики власти в духе Мишеля Фуко. В работе присутствует и критика источников — не традиционно исторического, но феминистского толка. Л.Адлер указывает, что большинство письменных свидетельств XIX в. о жизни проститутки, включая литературные — это слова мужчин, чей познавательный интерес с трудом отделим от поиска удовольствия в стенах заведений. Действительно, мужская чувственность служит посредником в присвоении и перекодировании мира на языке порядка в гораздо более тонких сферах, подобных институционализированному научному воображению. Подозрение в гендерной предвзятости тем более оправдано в восприятии проституции, напрямую обязанной мужскому желанию.

Но критика автора адресована не только и не столько двусмысленному взгляду писателей, сколько схемам воинствующего морализма, которые воскрешает и А.Ильюхов. Видя в проститутке источник разврата, пожирательницу состояний, «гнойную язву» или «помойку», мужчина, на деле, сам порождает эту фигуру своим желанием и способом это желание удовлетворять. Та же система власти, которая вершит суд над развратом, предварительно

---

14 При переводе издательство расцветило и заглавие, заменив хронологическую метку в «Повседневной жизни публичных домов 1830-1930» на «...во времена Золя и Мопассана», и имя автора, превратив Лору в Лауру.

формирует опасно-притягательную нишу платного удовольствия, где устанавливает широкую кровать, поместив на нее экзальтированное женское тело в полупрозрачных одеждах. В течение XIX в. публичный дом становится привычным регулятором отношений в городе, через который проходят потоки мужчин. Автора интересует прежде всего это место пересечения различных форм принуждения и желания, предусмотренных ритуалов и импровизации соблазна, оттенков удовольствия и страдания. В 1920-х г. публичные дома переживают упадок, за которым следует официальный запрет (1949). Это приводит к исчезновению чувственного, отчасти неторопливого и самозабвенного стиля жизни, уступающего место, с одной стороны, рутинной коммерции сексуальных услуг, тарифицируемых поминутно, с другой, растущей свободе паритетных связей. Двойственный интерес автора к борделю как месту упорядоченного насилия над женщиной и источнику неповторимой, чувственной и социальной, фактуры направляет все исследование.

Критический взгляд на мужскую власть не избавляет работу от традиционно репрессивной модели контроля за проституцией. Далекое во многих иных отношениях тексты французского и русского авторов одинаково склонны избегать вопроса о государственном утилитаризме при столкновении со сходными и неизменно шокирующими фактами злоупотребления силой. В версии Л.Адлер государство, чей регламентаризм — неоспоримое зло¹⁵, воплощается прежде всего в фигуре полицейского, который делает жизнь проституирующей женщины особенно постыдной и невыносимой. Другой фигурой становится даже не врач, а кабинет частично платного медицинского осмотра и больница как место заточения проституток, больных сифилисом. И обескураживающая процедура врачебного осмотра, и сцены уличного задержания девушек полицией, и условия содержания в участке описаны в мельчайших подробностях. Наряду с прочим, автор указывает, что для обеспечения норм контроля регулярно производились аресты женщин, появившихся на улице в одиночестве — вплоть до жен банкиров. Не менее подробно описана двусмысленность больницы как места излечения/наказания и пытки, специфика которого склоняет девушек объявлять себя воровками, скорее чем проститутками. В этих описаниях трудно не заметить своеобразный антигосударственный морализм на стороне преследуемых, противостоящий официальному морализму регламентаристов.

Однако этический пафос текста и обращение к репрессивной модели уравновешиваются исторической добросовестностью Л.Адлер, которая уделяет внимание публичному дому

---

15 В отличие от версии А.Ильюхова, для которого государственная регламентация проституции и ее рисков, напротив, располагается в перспективе благотворного окончательного искоренения.

как месту изоляции общественной опасности и прослеживает ряд поворотных моментов в официальной политике проституции. Речь идет о перипетиях несостоявшегося превращения борделя в единственную, в совершенстве замкнутую и контролируемую форму сексуальной коммерции. Попытки парижских властей 1829-30 гг. запретить появление одиночек на бульварах, локализовать проституцию исключительно в домах терпимости, препятствовать переходу работниц из одного заведения в другое, не допускать их появления в окнах и дверях домов были направлены на облегчение доступа к проституткам врачей и полиции, призванных проверять и карать, а также на геттоизацию порока в городском пространстве. Под давлением противников эти меры сменились более либеральным законодательством 1843 г. об изоляции публичных женщин лишь при угрозе общественному порядку, дополненным в 1881 г. циркуляром о неправомерности ареста женщины, пристающей к мужчине (если только она не посягает на его личность, хватая за руку).

Сделав типы проституции (изящной, бордельной, уличной) и персонажей этого универсума (куртизанки, бандерши, певицы, полицейские и т.д.) основой рубрикации книги, Л.Адлер создает с очевидностью не полный, но рельефно сработанный словарь социальных ситуаций и обстоятельств. Его рельеф — результат не одного только обращения к литературным источникам, но и достройки собственного текста в чувственных кодах, призванных впечатлять и шокировать. Это еще раз позволяет оценить, насколько каждая версия истории «одного и того же явления» зависит от избранной точки зрения. Набор ингредиентов исторического труда о проституции в любой стране, на деле, не столь уж широк: проза мужчин-посетителей публичных домов, официальные постановления, одни и те же медицинские и полемические трактаты XIX - начала XX вв., газетные заметки, данные опросов проститутки и их редкие беллетризованные свидетельства. Это хорошо видно по российским публикациям, с общим ядром источников у «серьезной» версии А.Ильюхова, беллетристики светского доктора¹⁶, вышедшей ранее обзорной работы соавторов-социологов¹⁷ и еще более раннего сборника статей соавторов-историков¹⁸. Познавательная ценность каждой из этих версий определяется способом (и способностью) выстроить общую картину, критически препарировав во многом совпадающий корпус данных или, как это сделала Л.Адлер, прибавив тексту выразительности за счет архивных материалов: официального документооборота, корреспонденции участ-

16 Упомянутая книга И.Князькина «Всемирная история проституции».

17 Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России. СПб.: Петрополис, 1998. 123 стр., 3000 экз.

18 Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIXв. - 40-е гг. XXв.). М.: Прогресс-Академия, 1994. 224 стр., 10000 экз.

ников рынка проституции, дневников.

В целом, книга Адлер может служить удачным примером найденного в калейдоскопе подробностей структурного рисунка. Следуя ему, можно обнаружить, что в высшем сегменте проституция смыкается с миром света, где промискуитет отличается от продажи услуг за деньги едва заметными нюансами и где сопоставимые с крупнобуржуазными состояниями и изысканный стиль жизни куртизанок на пике карьеры рискованно усложняют систему социальных различий, маскируя разрыв между благородным и постыдным. Если роскошная проституция — такой же сектор рынка наследств и браков, как массовая проституция — рынка профессионального труда, то наличие постоянной оплаченной любовницы, отношения с которой воспроизводят семейную модель, предстает институтом мелко- и среднебуржуазного быта. В свою очередь, проституция публичного дома — образец во многом нормализованной и нередко желанной профессиональной карьеры. Отлаженная механика заведений далека от внешнего принуждения и представляет собой скрупулезно выверенную систему соблазнения: возможностью заработка для девушек, послушными телами и тщательно стилизованной атмосферой заведений для клиентов. Если рутинное физическое насилие процветает в заведениях низшего уровня, оно характеризует, согласно описаниям Л. Адлера, скорее отношения между клиентами, чем отношения к женщинам. Это не делает их жизнь более сносной. Но оставляет вопрос о насилии и его соотношении с чувственностью открытым в отношении обеих структурно близких ситуаций российской и французской проституции XIX в.

Книга «Проституция в России. Репортаж со дна Москвы Константина Борового» (2007) располагается на ином жанровом и хронологическом полюсе. Максимальная глубина исторической перспективы составляет здесь двадцать последних лет. Сопоставление и критика данных, равно как структурный анализ не входят в намерения автора. Полтора десятка его бесед с участниками современной сексуальной коммерции направляются любопытством мужчины-предпринимателя к организации чужих предприятий. При отсутствии ясной концепции, это любопытство раздвигает границы проституции за счет стрип-клубов и эротической фотографии. Во всем спонтанном исследовании маячит лишь тень любопытства к механике удовольствия. Гораздо более серьезное внимание уделено механике рентабельности: велики ли зарплаты работниц и кому идут чаевые, в какие дни наплыв клиентов наибольший и сколько они оставляют за посещение, каков профиль идеального работника и часто ли употребляются наркотики... При всей живости повествований, в протагонистах книги нет ничего inferнального и загадочного — их истории банализированы производственной логикой. Это

свидетельства владельцев крупных фирм и мелких ремесленников, деловых партнеров и субподрядчиков, наемных работников и потребителей. Местами в беседах возникают темы частичной занятости, совмещения работы с семьей, узости репертуара ходовых услуг (редкого спроса в России на садо-мазо), партнерской связки проституция-милиция, профсоюза работников. Государство представлено здесь в расспросах о легализации и контроле за предприятиями собеседников.

Не разделяя озабоченности патентованных моралистов истоками и угрозами проституции, книга дает читателю более реалистичное представление о ее социальном бытовании, нежели пресловутая дихотомия «порок/контроль». Вместе с тем, автор — далеко не либертен. Он старательно дистанцируется от возможных подозрений в слишком свободном владении вопросом. И собеседникам, и деловым партнерам, взявшим книгу в руки, он настоятельно демонстрирует свою мужскую состоятельность, маркируя репутационно опасные чувственные опыты резкой характеристикой «извращенцы» или отсылая к собственной неосведомленности. В этом смысле, ему также не чужд своеобразный морализм, говорящий умолчаниями.

На таком сдержанно-деловом фоне особенно примечательны моменты, когда прямолинейная игра в неосведомленность резонирует с моментами искреннего удивления. В интервью с владельцами салонов и шоу без совокуплений Боровой настойчиво тербит собеседников: почему клиенты «просто не бросаются» на девушек? Ответ банален: запрещено правилами заведения. Воображение подталкивает к широкоплечей фигуре охранника. Но настойчивое удивление автора смещает внимание с внешних агентов порядка на самих клиентов современных мануфактур сексуальных услуг. Из бесед становится ясно, что и работники, и посетители склонны самостоятельно соблюдать негласный контракт вдвойне эфемерных заведений, морально двусмысленных и не оформленных юридически. Самопринуждение к эфемерному порядку и формирование собственной морали проституции — гораздо более впечатляющий факт, нежели робкие попытки К.Борового выявить перечень предлагаемых заведениями услуг.

Моральная двусмысленность занятий проституцией увенчивается нетривиальным взглядом иных менеджеров на собственную деятельность как форму прозелитизма: «Я по существу спасаю, сохраняю семьи». Или переводом ее с коммерческого языка на язык круга доверия: «Все приходят как друзья». Как и в XIX в., набожность и моральное обоснование служат важными инструментами производственного режима. Владельцы некоторых салонов пытаются приобщить своих работниц к посещению церковных служб — в свободное от работы время. В свою очередь, эфемерность заведений имеет вполне материальное выражение: поки-

нуть нелегально эксплуатируемую квартиру в жилом фонде — привычная рутина, тогда как потерять телефонный номер, в рекламу которого вложены на порядок большие средства — гораздо более серьезный ущерб.

Стиль бесед — поверхностно-скользящий, но их подборка воссоздает этнографически примечательную картину с одной из возможных точек наблюдения. Система знакомств и контактов автора фиксирует тот сегмент рынка сексуальных услуг, который одни цивилизованные предприниматели поддерживают для других. Его шокирующие стороны подернуты привычкой, разнузданное удовольствие редуцировано к ассортиментному потреблению, секс по телефону более изобретателен, чем происходящее в саунах. Профессиональные одиночки и пары чаще склоны к описанию своей работы в чувственных категориях, сознательно дистанцируясь от термина «клиенты» в пользу «друзей» или «партнеров»; им не чужд взгляд на сексуальный контакт как личный опыт и даже приключение. Однако чем значительнее размер и оборот предприятия, чем полнее каталогизированы привычные риски и способы их снижения, тем более адекватным опыту его работников становится язык материального взаиморасчета. Эффект достигает пика в наиболее легитимных формах нелегального обмена: чувственность подвергается все более жесткой цензуре при движении от мелких гомо- и бисексуальных предпринимателей к гетеросексуальным наемным служащим и их постоянным клиентам.

В книге немало шаблонных суждений, которые вытесняют язык удовольствия и маскируют насилие, лежащее в основе наиболее привычной формы российской проституции — уверенной покупки мужчиной женщины у другого мужчины. Далеко на заднем плане бесед остаются фигуры рутинного насилия, которое структурирует рынок и, наряду с самопринуждением, загодя форматирует сексуальный опыт, снижая в нем ценность непредсказуемого путешествия. На страницах книги исчезающе невелико присутствие сутенеров, международных экспортеров женщин и детей, милицейских чинов, — ключевых посредников в формировании чувственности современной проституции. Интервью с ними опасно или невозможно. Но дело не только в этом. Подобно образам с мясобои, их прямая речь неуместна в тексте, берегущем гастрономические иллюзии ценителей бифштекса. Возможно, впрочем, это невнимание вызвано привычкой к диффузному насилию в деятельности прочих, вполне легальных российских предприятий. Так или иначе, сегмент рынка, выхваченный в беседах К.Боровым, предстает сферой почти гармоничной производственной рутины, с большими издержками на рекламу и взятки, но с еще большими доходами от иллюзии разнообразия, с заранее оговоренным преysкурантом и рецептурными фантазиями. В этом сегменте действуют соб-

ственные локальные формы социальной защиты и солидарности, высокопрофессиональная дрессура работников, цивилизующее принуждение и самопринуждение клиентов — что гораздо сильнее, чем принято воображать, сближает проституцию с более благородными формами расколдования и рационализации социального мира.

Частная перспектива, из которой произведен смотр рынка, подводит к находке, спрятанной в книге не ее автором, но самой реальностью, которой тот дал слово. Насколько в общественном внимании сегодня маргинальна тема проституции, настолько рынок сексуальных услуг двусмысленно-нейтрален к моральному порядку, заново выстроенному в 1990-2000-х. Один из собеседников схватывает эту общую для самых разных участников истину в педагогической метафоре: «Была одна девушка — она всерьез верила, что есть два мира, мир проституции и обычный мир. ... Я ей объяснял, что нет ни преступного мира, ни мира проституции, есть один-единственный мир...» При сохраняющейся нелегальности проституция предстает нормализованной частью универсума капиталистической России, не менее и не более рациональной, нежели фасадная офисная жизнь.